

Антияпонская борьба корейских партизан в Маньчжоу-го (начальный этап)

Виктор Алексеевич Гайкин,
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник отдела востоковедения
ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: unara49@mail.ru

В статье анализируется корейское партизанское движение, имевшее большое значение для китайско-корейского сопротивления японской агрессии в Восточной Маньчжурии (1931—1936 гг.), которое было и частью борьбы корейского народа за освобождение Кореи.

Ключевые слова: агрессия Японии в Маньчжурии, сопротивление, корейские партизаны.

Anti-Japanese struggle of Korean guerrillas in Manzhou-guo (initial period).

Victor A. Gaykin, Cand. Sc. (History), Senior researcher, Oriental Studies Dept., Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (FEB RAS), Vladivostok.

The paper analyzes the Korean guerrilla movement, which had great significance for Sino-Korean resistance to Japanese aggression in Eastern Manchuria (1931—1936). It was also a part of the Korean people's struggle for the liberation of Korea.

Key words: Japanese aggression in Manchuria, resistance, Korean guerrillas.

Одна из ярких и героических страниц антияпонского сопротивления в Китае — вооружённая борьба в районах Маньчжурии, граничащих с Кореей. Её главные «действующие лица» — корейские партизаны, поскольку это была территория с преимущественно корейским населением (800 тыс. чел. на 1931 г.), которое стало человеческим ресурсом антияпонской борьбы, а также — продовольственной базой сопротивления.

С началом японской агрессии в Маньчжурии многие части армии Чжан Сюэяна не выполнили отданный им приказ об отступлении и оказали сопротивление японским войскам. К ним присоединились патриотически настроенные крестьяне, рабочие, представители интеллигенции. Сформировались «Армия спасения родины» и крестьянские партизанские отряды. Уже летом 1932 г. численность бойцов антияпонских формирований достигла 36 тыс. чел. [20, № 7, с. 66].

В Цзяньдао (территория Маньчжурии вдоль р. Туманган, населённая корейцами) антияпонское восстание началось с выступления китайских

полицейских и армейских частей. 11 февраля 1932 г. отряд под руководством Ван Дэлиня начал боевые действия [16, с. 62]. В уезде Хэлун была создана «Армия спасения родины», в которую входили и коммунисты. Отряды нападали на японские полицейские участки, прояпонски настроенных корейцев и китайцев. Корейские коммунисты начали вооружённую борьбу в районах горного хребта Чанпайшань, уезде Аньту, затем в районе Байцаогу, а в апреле в районе Тахуанкоу [27, р. 240]. Весь Цзяньдао был охвачен восстанием.

3 апреля 1932 г. японские войска из Кореи перешли в Цзяньдао с целью подавления повстанческого движения и в тот же день заняли города Лунцзинцун и Хунчунь. 6 апреля был взят Байцаогу, карателям удалось выбить повстанцев из Тоудаогу, Суньилина [16, с. 63]. Плохо вооружённые, не подготовленные к боевым действиям антияпонские отряды не были способны вести бой с регулярными японскими войсками. Через три недели основные очаги сопротивления на равнинах и в населённых пунктах были подавлены.

Однако то, что японские власти приняли за победу, было лишь затишьем перед бурей. Борьба только начиналась. Социально-экономическая обстановка в Цзяньдао в начале 30-х гг. была близка к революционной. Последствия экономического кризиса 1929—1933 гг., оккупация японскими войсками Маньчжурии тяжело отразились на экономическом положении корейских крестьян. Обнищание и массовое разорение привели к ещё большей социальной поляризации корейской деревни. В Цзяньдао доля крестьян-собственников среди корейцев упала с 35,5% в 1929 г. до 24% в 1935 г., доля арендаторов и полуарендаторов возросла с 57% до 66%, землевладельцев (помещиков) — с 7% до 12% [15, с. 758].

В конце апреля 1932 г. совместный корейско-китайский партизанский отряд атаковал японскую полицию и консульство в уезде Паньши (провинция Цзилинь) [27, р. 240]. На 1 мая 1932 г. коммунисты Цзяньдао наметили восстание в Иланьгоу. Этот план стал известен японской полиции, которая арестовала более 100 корейских и китайских коммунистов, и восстание провалилось [17, с. 571]. Издававшаяся в Харбине японская газета «Харупин нити нити» 15.08.1933 отмечала: «...на территории Цзяньдао внедрение коммунизма в народные массы приняло угрожающий характер». По мнению японских чиновников, в уезде Хэлун «...не было людей, не сочувствующих борьбе коммунистов против Японии и Маньчжоу-го» [6, с. 55].

Можно назвать следующие причины того, что радикальные идеи в Цзяньдао попали на подготовленную почву: во-первых, основными жителями района являлись переселенцы, выбитые из веками создававшейся социальной структуры, легко поднявшиеся на борьбу против эксплуататоров; во-вторых, сказывалась также близость района к советскому Дальнему Востоку, революционные события 1917—1922 гг. на котором оказали влияние на коммунистическое и антияпонское движение в Цзяньдао;

в-третьих, социальный и национальный гнёт китайских землевладельцев, а также огромная разница в социально-экономическом положении двух этнических групп Цзяньдао — китайской и корейской и в-четвёртых, репрессивная антикорейская политика китайских властей второй половины 20-х гг.

К 1932 г. относится начало партизанской борьбы Ким Ир Сена во главе небольшого отряда, созданного в уезде Аньту [3, с. 49]. Ким Ир Сен провёл переговоры о координации действий с Армией спасения родины, действовавшей в уезде Аньту, состоявшей главным образом из китайских националистов (её руководители были настроены антикорейски). Некоторый прогресс был достигнут. Командир Армии Вэй дал согласие на дислокацию отряда Ким Ир Сена в операционном районе его армии. Ким Ир Сен безуспешно пытался организовать взаимодействие с Корейской революционной армией (националисты) под командованием Ян Со Бона [22, с. 143—146]. В январе 1933 г. отряд передислоцировался в район Яоинкоу (уезд Ванцин), где Ким Ир Сен связался с другими корейскими партизанами и отряд вырос до 90 чел. Был создан Ванцинский партизанский отряд, в котором стал комиссаром [26, р. 210].

Японская полиция и армия яростно боролись с коммунистическим влиянием. В апреле 1932 г. японский генеральный консул в Цзяньдао докладывал, что 1200 коммунистов и сочувствующих им расстреляны, 1500 чел. заключены в тюрьмы [25, р. 161]. Активность коммунистов в городских центрах и в сельских районах, доступных японским войскам, стала крайне затруднительной. Стратегия партии претерпела изменения. Под руководством коммунистов в труднодоступных районах Цзяньдао началось создание советских районов с собственными вооружёнными формированиями.

В 1932—1933 гг. в уездах Яньцзи, Ванцин, Хэлун, Хунчунь было создано пять советских районов, которые управлялись районными советами. Население советских районов, по японским данным, составляло 4400 чел. [8, с. 249]. Кроме того, в период с ноября 1932 по апрель 1933 г. в шести районах, где контроль патриотов оказался недостаточным, были образованы революционные комитеты (в уездах Хэлун и Яньцзи), подчинявшиеся партийным комитетам уездов.

25 января 1933 г. восточноманьчжурский особый комитет компартии Китая принял «программу создания советских районов» [8, с. 250], согласно которой право избирать советы получили все мужчины и женщины, достигшие 16 лет, кроме землевладельцев. Их основа — рабочие и крестьяне. Предлагалось конфисковывать землю и имущество землевладельцев, распределять изъятое среди бедных крестьян, укреплять союз бедняков и середняков, избегая ущемления богатых середняков при конфискации и перераспределении земли. Бывшим землевладельцам разрешалось оставить у себя скот и имущество, но земли им выделялись худшие. Распределяли землю по числу едоков в семье. Торговля землёй временно разрешалась, но отмечалось, что в будущем вся

земля будет принадлежать советам. Намечалась организация первичных форм кооперации — закупка предметов первой необходимости, продажа выращенных сельхозпродуктов.

Зоной влияния советских районов была небольшая территория с немногочисленным населением, которая не представляла прямой угрозы режиму. Японский автор, не питавший симпатий к патриотам, отмечал «...однако какое влияние на Корею оказывает тот факт, что все Советы созданы руками самих корейцев. Над этим необходимо основательно призадуматься» [8, с. 219]. Партизаны делали вылазки из советских районов, нападали на полицейские участки и небольшие японские отряды. Таких акций в 1932 г. было зафиксировано 40, в июле 1933 г. — 70 [24, р. 5].

В январе 1933 г. в Цзяньдао прошло совещание японских военных руководителей, на котором обсуждались вопросы борьбы против освобождённых районов [3, с. 83]. И весной 1933 г. начались карательные операции японских войск на территории советских районов.

Антияпонское движение в Маньчжурии росло. Корейские и китайские партизанские отряды нападали на полицейские участки, японские отряды. Только за первую половину 1933 г. в районах вдоль р. Тумыньцзян было зарегистрировано 872 нападения партизан, в которых участвовало 33 711 чел. [13, с. 232]. В Южной Маньчжурии за эти полгода в районах вдоль линии Аньдун — Мукден и в верховьях р. Ялу было зарегистрировано 4148 случаев нападений патриотов — обстрелов железнодорожных станций, поджогов, взрывов, в которых участвовали 144 196 партизан [13, с. 230].

В результате карательных операций японской армии, блокады советских районов, радикальной социальной политики росло число беженцев из районов, контролируемых компартией. В 1933 г. их было 1128, в 1934 г. — 1195, с января по июль 1935 г. — 1179 чел. [24, р. 208]. После осенней 1933 г. карательной экспедиции 10-й дивизии японской оккупационной армии основные силы партизан были вынуждены уйти в горные районы Дунбяньдао (территория вдоль реки Ялуцзян), где и были созданы партизанские базы, сформирована так называемая 2-я дивизия, командиром которой стал Ян Цзиньюй. Население поддерживало коммунистов, так как классовая борьба имела в Дунбяньдао давние традиции, крестьянские восстания вспыхивали здесь и до 1931 г. (восстание «Больших мечей»). Большинство корейцев были арендаторами, социальные противоречия оставались острыми. Гористость, отсутствие хороших дорог и коммуникаций делали Цзяньдао районом труднодоступным для карательных войск и удобным для партизан [9, с. 23].

Радикальные реформы (конфискация земли и пр.), проводимые в советских районах Цзяньдао, привели к тому, что часть корейских землевладельцев, активно сотрудничавших с японцами, объединилась 15 февраля 1932 г. в организацию «Минсендан» [25, с. 162]. Члены этой группы в целях шпионажа внедрялись в партизанские отряды, результатом чего стали

репрессии, проводимые китайским руководством КПК против корейских партизан и членов партии — корейцев, заподозренных в сотрудничестве с «Минсендан» и японской разведкой. Были расстреляны десятки людей, среди которых лидер бывшей марксистско-ленинской группировки Хан Чин. Был изгнан и присоединился к националистам секретарь восточноманьчжурского комитета КПК Ли Сан Мук. Бежал и сдался японцам заподозренный в предательстве командир Второй армии Чу Чин (названные армиями, дивизиями партизанские отряды по численности были в разы меньше аналогичных армейских соединений).

1 июля 1934 г. Восточноманьчжурский особый комитет КПК, видя решение проблемы в отстранении корейцев от руководящей работы, опубликовал в первом выпуске «Известий народа Северо-Востока» указание: «В прошлом партия состояла в основном из корейских крестьян. Впредь следует принимать в партию главным образом рабочих и китайцев... При подборе руководящих кадров партии необходимо 70% выдвигать из рабочих и 30% из крестьян и интеллигентов. Массовые организации должны состоять на 30% из рабочих» [14, с. 464]. Учитывая, что рабочих-корейцев членов партии насчитывалось мало, это означало призыв китаизировать руководство партии в Маньчжурии.

В «Программе обследования экономического положения и деятельности партии в производственной сфере», составленной маньчжурским комитетом КПК, говорилось: «В прошлом среди корейцев-членов партии было много колеблющихся, фракционеров. Постепенно их вычистили или расстреляли. В последнее время среди членов партии — корейцев — появилось много агентов японо-маньчжурских спецслужб. Нужно проводить чистку корейских коммунистов» [19, с. 48]. Во время чисток несколько сот корейцев бежали из отрядов, многие сдавались японцам. Пытаясь выправить положение, в феврале 1935 г. КПК провела совещание китайских и корейских лидеров под председательством Вэй Чженьмина. Было принято открытое письмо к корейским коммунистам, призывавшее их к сотрудничеству с китайскими товарищами [27, р. 282]. Несмотря на попытку сгладить произошедшее, этот инцидент негативно отразился на китайско-корейском сотрудничестве в антияпонском движении.

В результате влияние корейцев в коммунистическом движении в Маньчжурии упало. Но даже после 1935 г. многие корейские коммунисты продолжали сражаться в Народно-революционной армии; в том числе в качестве командиров, Вторая армия НРА состояла в основном из корейцев. С марта 1935 г. 1-й дивизией Первой армии НРА командовали корейцы Хан Хо и Чон Му. Политкомиссаром 1-й дивизии был Ким Чак (впоследствии Председатель Совета министров КНДР) [23, с. 70, 71].

Кроме формирований, возглавляемых коммунистами, с японскими оккупантами боролись отряды под руководством корейских националистов и крестьянские «беспартийные» отряды. Общее число партизан на начало 1934 г. в уездах Восточной и Юго-Восточной Маньчжурии — Яньцзи, Аньгу, Хэлун, Ванцин, Кунсюн, Чанпай, Линьцзян,

Цзиань, Тунхуа, Аньдун, Хуанжень, Фусун, Фэнчен (главным образом Цзяньдао и Дунбяньдао) — составляло, по японским оценкам, около 19 тыс. чел. [21, с. 225—230].

Основным районом дислокации националистов была Южная и Юго-Восточная Маньчжурия, главным образом провинция Аньдун (Цзяньдао считался традиционно «красным» районом). Националисты Южной Маньчжурии принадлежали к так называемой Корейской революционной партии, возглавляемой Центральным комитетом, который назначал членов Кукминбу (правительство). С 1932 г. его возглавлял Чун Хан Хап. В уездах провинции Аньдун — Куаньдянь, Цзиань, Тунхуа, Хуанжень — были созданы уездные исполнительные комитеты правительства.

Корейская революционная партия имела Революционную армию, действующую в 16 уездах Южной Маньчжурии и провинции Цзилинь, разделённых на два оперативных района, в каждом из них действовало по три роты. Рота должна была состоять из 150 бойцов [14, с. 453—456]. В сентябре 1934 г. командир Революционной армии Ян Со Бон был убит [18, т. 10, с. 846], после него командующим стал Ким Хваль Сок [12, с. 169]. В пропагандистских материалах излагались цели борьбы Корейской революционной армии: сплочение нации, освобождение Кореи, защита корейского населения Маньчжурии от грабежей хунхузов, притеснений китайской полиции [12, с. 184].

В Северной Маньчжурии районами действий корейских националистов, принадлежавших к Маньчжурской партии независимости Кореи, были города Цзилинь, Харбин и прилегавшие к ним районы области нижнего течения р. Сунхуацзын. В результате карательных операций японских войск «Партия» была разгромлена, несколько лидеров сдались осенью 1933 г. японцам. В ноябре 1933 г. штаб партии перенесли в Бэйпин. В мае 1934 г. лидер «Партии» Ли Чхон Чен нелегально прибыл в Маньчжурию и попытался создать в полосе отчуждения КВЖД националистическую организацию Общество ускорения национального самоопределения. Однако, не успев окрепнуть, новое общество было разгромлено японской полицией [14, с. 458].

Националисты в районах нижнего течения р. Сунхуацзын, сотрудничая с коммунистами, вошли в Народно-революционную армию. В Цзяньдао в июне 1934 г. состоялось совещание националистов, стремившихся возродить антияпонские организации в этом районе. Однако вследствие полицейских репрессий и традиционной поддержки населением Компартии добиться успеха им не удалось. Многие националисты, такие как лидер организации Харбинского района Ким Пок Тэ, Квон Хва Сан и др., не только добровольно сдались японцам, но и стали на путь ренегатства, разлагая движение сопротивления идеологическими и просто шпионскими диверсиями. Они склоняли бывших соратников к отказу от борьбы, участвовали в карательных операциях 10-й дивизии японской армии в провинции Цзилинь осенью 1933 г. [14, с. 451—461]. В целом движение находилось в состоянии стагнации. Не имевшие такой поддержки среди

крестьян, как коммунисты, раздираемые внутренними противоречиями националисты сокращали масштабы борьбы, многие переходили в лагерь коммунистов. Общая цель — борьба с японскими оккупантами — часто сглаживала идеологические противоречия.

В мае 1935 г. Корейская революционная армия опубликовала «Воззвание к корейским революционным массам», в котором характеризовала сложившуюся ситуацию как критическую для революции, призывала крепить ряды и уничтожать предателей националистического движения, таких как Ким Пок Тэ, Пак Чхан Хэ, вступивших в Общество корейских резидентов (прояпонская организация корейцев Маньчжурии) [19, с. 35].

Основными формами партизанской борьбы в Маньчжурии были разрушение железных дорог, нападение на «коллективные деревни», отряды самообороны, небольшие армейские части, полицейские участки. Так, только за август 1931 г. партизаны взорвали 16 поездов, атаковали 91 железнодорожную станцию, разрушили 31 железнодорожный мост [28, р. 16]. 27 июня 1934 г. партизанское соединение, состоявшее из китайской Армии спасения родины и корейско-китайских коммунистических отрядов, атаковало в посёлке Лоцзыгоу казармы армии Маньчжоу-го и полицейское управление и к утру 28 июня захватило их [3, с. 90]. В Цзяньдао автодорога Яньцзи — Байцаогоу с 1932 г. по март 1934 г. более 50 раз подвергалась нападениям партизан [3, с. 87]. Корейские партизаны в пограничных с Кореей районах совершали вооружённые рейды в Корею. В 1934 г., по данным газеты «Тона ильбо», через р. Ялуцзян было совершено 6 тыс. партизанских рейдов в Корею, в которых участвовало 20 тыс. партизан [цит. по: 2, 1935, № 3, с. 18].

Создание властями «стратегических (коллективных) деревень» рассматривалось партизанами как прямая угроза их существованию (в Цзяньдао было 3518 мелких деревень с корейским населением численностью до 20 дворов). В них насчитывалось 26 216 дворов, из них 5660 семей жили в маленьких сёлах и хуторах. Планировалось сселить их в «коллективные деревни» [14, с. 425]. Созданием таких деревень, особенно вблизи районов дислокации партизанских отрядов, концентрацией в них жителей окрестных сёл и хуторов японцы хотели достичь сразу нескольких целей: разорвать связи населения с патриотами, отделить крестьян от партизан для идентификации последних посредством создания нежилых зон, уничтожить источники снабжения партизан продовольствием. В каждой «коллективной деревне» организовывался японский отряд самообороны для борьбы с партизанами. В 1932 г. в Цзяньдао японцами было построено 12 «стратегических (коллективных) деревень», в которые вселили 850 семей беженцев. В 1934 г. планировалось создать в четырёх уездах Цзяньдао 15 деревень по 100—200 дворов каждая. Партизаны вооружёнными действиями пытались помешать этому. С апреля по июль строившиеся «коллективные деревни» 114 раз подвергались нападениям партизан. Кроме японцев строительством таких деревень в Цзяньдао занимались организации

Маньчжоу-го. Ими был утверждён 3-летний план строительства 92 деревень. К октябрю 1934 г. было построено 14 деревень [14, с. 416, 417, 425].

Идеологическая работа против партизан велась через «Хэпчжохве» (Общество сотрудничества), преемника «Минсендана», сочетавшего в себе функции шпионско-пропагандистского органа и вспомогательного жандармского отряда. Справиться с мобильными группами партизан только военной силой оказалось непросто. Необходимы были корейцы, хорошо знавшие местность и самих партизан. Общество сотрудничества было создано, по одним данным, 10 декабря 1932 г. (учредительный съезд) и в 1933 г. уже вело подрывную работу в партизанских районах [14, с. 459], по другим данным — 6 сентября 1934 г. [9, с. 176]. Возможно, что в 1932 г. было создано Общество сотрудничества Маньчжурии (кроме Цзяньдао), а 1934 г. — в Цзяньдао. В программе общества было записано: «...Калёным железом выжечь привнесённый извне коммунизм, укреплять японо-маньчжурское единство, организовывать ячейки общества в лагере антияпонских отрядов коммунистов, осуществлять идейное руководство народными массами, бороться с подрывной деятельностью компартии, уничтожать корейцев-бунтовщиков руками самих корейцев» [9, с. 170—172]. Как считали японские власти, основная цель общества — «уничтожение коммунизма».

На первое октября 1934 г. в Цзяньдао насчитывалось 1067 членов общества, в мае 1935 г. — уже 4500 чел. [7, с. 526]. Штаб находился в г. Яньцзи, филиалы — в Бадаогоу, Чаоянгуань, Минюэгоу, Байцаогоу, Тунфосы [14, с. 472]. В 1934 г. при обществе был создан «корейский добровольческий корпус самозащиты» (95 чел.) для непосредственного участия в боевых действиях против патриотов, куда набирались корейцы либо враждебно относившиеся к партизанам, либо пострадавшие от них (кулаки, землевладельцы в возрасте от 20 до 30 лет) [14, с. 472]. Организация территориально делилась на ячейки и бригады. В сентябре 1936 г. насчитывалось 139 бригад и 792 ячейки, их целью было выявлять на своей территории коммунистов и людей, связанных с партизанами [19, с. 172], и пресекать попытки создания патриотических групп. «Хэпчжохве» в 1934 г. провело две масштабные операции против партизан. Первая проходила с 20 сентября по 3 октября в районах Инюэгоу, Тунфосы, Чаоянгуань, Байцаогоу, Иланьгоу, Саньдаогоу, Вэйсыгоу и других местностях Цзяньдао, вторая — с 6 по 16 октября. Участники распространяли листовки и клеветническую информацию, настраивая население деревень против патриотов. В результате подрывной деятельности до 1 ноября 1934 г. 354 партизана сдались властям [14, с. 472].

Общество «Хэпчжохве» пыталось помешать процессу консолидации коммунистических сил и националистов, распространяя информацию, вызывающую раскол и конфронтацию между ними [9, с. 175]. Специально для этого была создана группа из 15 человек под руководством военного жандарма, унтер-офицера Сато, члены которой внедрялись в партизанские отряды. 25 мая 1936 г. в окрестностях г. Хэлун произош-

ло столкновение между 20 партизанами крестьянского отряда с отрядом КПК, продолжавшееся около часа [9, с. 175].

В своей цели — склонить партизан к добровольной сдаче в плен — общество добилось многого. В начале 1936 г. был разоружён отряд Ма Цаньдэ. В сентябре 1935 г. сдался в плен ответственный работник Восточно-Маньчжурского особого комитета КПК, в сентябре 1936 г. — командир первой дивизии Объединённой антияпонской второй армии (район Тунфосы). По заданию японцев «Хэпчжохве» устанавливало местонахождение партизан, их связи с населением, планы боевых действий. В равнинных районах Цзяньдао была создана сеть осведомителей. Занималось общество и прямой ликвидацией руководителей коммунистических центров. Так, выяснив, что Восточноманьчжурский особый комитет КПК находился в деревне Саньдаохэцзы уезда Ванцин, отряд «Хэпчжохве» 8 февраля 1936 г. захватил пять активистов комитета [9, с. 173—175].

В декабре 1936 г. «Хэпчжохве» прекратило свою деятельность в качестве автономной организации, влившись в общество «Кёвакай». В результате деятельности новой организации за два года сдались в плен 2255 партизан, арестовано 3207 патриотов, раскрыто 287 коммунистических ячеек, конфисковано 237 единиц оружия. Японцы оценивали это как «большой вклад в установление общественного спокойствия» [9, с. 177].

Работа по разложению партизанского движения велась и через печать. Так, 20 ноября 1934 г. корейская газета «Ежедневный вестник Цзяньдао» поместила статью под заголовком «Обращаемся к коммунистам! повернём к восточной доктрине Монро», призывавшую патриотов отказаться от борьбы. «Позиции корейцев в Цзяньдао будут укрепляться, их ждёт процветание», — утверждал автор публикации [14, с. 474].

«Хэпчжохве» действовало главным образом в Цзяньдао и вело борьбу с компартией. Для борьбы с националистами провинции Ляонин была создана организация аналогичного типа. В ноябре 1934 г. отделение Общества корейских резидентов уезда Хуанжень провинции Ляонин провело совещание своих районных представителей, на котором было создано общество «Киольсохве» (Общество сплочения). Кодекс его членов гласил: «Общество развивает самосознание корейцев как граждан японской империи, искореняет бунтовщиков, поддерживает политическую стабильность в регионе. Член общества должен полностью порвать с Корейской революционной армией и передавать информацию о ней чиновникам. Было издано воззвание, призывающее партизан-националистов прекратить борьбу [14, с. 439, 451].

Однако многие из сдавшихся в плен партизан вновь возвращались к вооружённой борьбе. Это говорит о крайне неудовлетворительных социально-экономических условиях, жестокой эксплуатации народных масс в Маньчжоу-го. Так, по данным полицейского управления провинции Биньцзян, из сдавшихся в плен в 1932 г. в 9 уездах региона Хадун (главным образом националистов и крестьян-партизан) 2580 чел. — 957 (37%) вновь ушли в партизаны; в 1933 г. из 564 — 487 (86,3%), в 1934 г.

из 397 — 53 (16,3%), в 1935 г. из 3541 — 1497 (42,1%). По мнению японских «экспертов», чаще всего сдавались крестьяне-партизаны, партизаны из отрядов КПК сдавались редко, однако к корейским коммунистам Цзяньдао это не относится, поскольку якобы произошёл «поворот к лучшему в жизни корейской диаспоры» [19, с. 179, 180].

К карательным операциям и подрывной работе прибавились трудности со снабжением партизан продовольствием. «Коллективные деревни», жёсткое нормирование снабжения жителей хуторов и другие меры резко ухудшили материальное обеспечение патриотов. С сентября 1933 по декабрь 1934 г. число членов антияпонских обществ Цзяньдао уменьшилось с 11 800 до 912 чел. [25, р. 163], они снабжали партизан продовольствием и одеждой.

После оккупации Маньчжурии японское правительство резко увеличило суммы, выделяемые на экономический, политический, идеологический контроль над маньчжурскими корейцами. Если в 1930—1931 гг. на эти цели выделялось соответственно 819 147 и 824 796 иен, то в 1932—1933 гг. — 1 733 576 и 1 783 902 иены в год [13, с. 65]. Немалые суммы направлялись на борьбу с партизанами. Бюджет полицейского управления уезда Хунчунь вырос с 60 тыс. иен в 1933 г. до 100 тыс. в 1934 г. [5, с. 142]. В 1934 г. в бюджете Цзяньдао расходы на полицию составляли 44%. К весне 1935 г. в посёлках Цзяньдао было создано 102 отряда самообороны численностью 2634 чел. [10, с. 661].

Некоторые отряды самообороны, сочувствуя партизанам, снабжали их продуктами, боеприпасами, предоставляли ночлег. За связь с партизанами членов отрядов расстреливали [4, с. 39, 44]. На работу в полицию корейцев (в начале 30-х гг.) брали неохотно, не доверяя им. Так, например, в марте 1935 г. в штате полицейского управления Цзяньдао числилось 1127 полицейских китайской национальности и только 344 — корейской. В трёх отдельных полицейских отрядах, дислоцировавшихся в уездах Яньци, Ванцин, Аньту, из 411 полицейских только трое были корейцами [10, с. 661].

Корейские партизаны внесли существенный вклад в становление китайско-корейского сопротивления в Восточной Маньчжурии. Как писал один из руководителей партизанского движения в Маньчжурии (китаец) Чжоу Баочжун, «...есть две вещи, которые глубоко запали в мою душу. Первая — это боевые дела мужественных корейских патриотов, которые сыграли важную роль в партизанском движении против японских захватчиков» [1, с. 93]. Можно назвать следующие причины того, что радикальные (коммунистические) и антияпонские идеи попали в Цзяньдао на подготовленную почву: основным населением района были переселенцы, эмигрировавшие от колониального гнёта Японии; борьба корейских арендаторов против китайских землевладельцев; революционные события 1917—1922 гг. на Дальнем Востоке, оказавшие влияние на коммунистическое и антияпонское движение в Цзяньдао; репрессивная антикорейская политика китайских властей второй половины 20-х гг.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Лю Юнань. К истории партизанского движения на Северо-Востоке Китая в 1931—1945 гг. Вопросы истории. 1954. № 8. С. 90—124.
2. Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. Информ. бюллетень. М., 1935. 148 с.
3. Современная история Кореи. Пхеньян, 1979. 537 с.
4. Андо Хикотаро. Яньбянь кико = Путешествие в корейский национальный район Яньбянь. Тоё бунка. 1964. С. 47—61.
5. Дайиккай дзэнкоку кэнсандзикан кайги гидзироку = Первая Всеманьчжурская конференция уездных советников. Протоколы. Чанчунь, 1934. 187 с.
6. Кантосё Варюкэн дзидзё = Положение в уезде Хэлун провинции Цзяньдао. Кантосё, 1936. 169 с.
7. Мансю нэнкан = Ежегодник Маньчжурии. Дайрен, 1936. 650 с.
8. Мансю сангё кэнсэцу гакуто кэнкюдан хококу = Доклады студенческой группы по изучению экономики Маньчжурии. Б.м., б.г. Т. 3. 279 с.
9. Мансю хидзоку то тиан тайсаку = Маньчжурские бандиты и политика умиротворения. Б.м., 1938. 208 с.
10. Мансюоку кэйсацу гайё = Обзор полиции Маньчжоуго. Мукден, 1935. 198 с.
11. Нагаока Титаро. Кёкуто но кэйкаку то миндзоку = Перспективы Дальнего Востока и народы. Токио, 1938. 235 с.
12. Паныши дзиммин какумэйгун = Народно-революционная армия Паныши =. Б.м., 1936. 170 с.
13. Сайкин ни окэру тэсэн тиан дзёкё 1934 нэн = Общественный порядок в Корее в настоящее время. 1934 г. Токио, 1966. 379 с.
14. Сайкин Сина оёби Мансю канкэй сёмондай тэкиё = Современные проблемы Китая и Маньчжурии. Б.м., 1934. Т. 2. 509 с.
15. Сайсин Мансю тэйкоку дайкан = Современное положение Маньчжурской империи. Токио, 1937. 824 с.
16. Сато Цунэнари. Какки сэн = Мобильная война. Токио, 1943. 243 с.
17. Сорэмпо то Сина Мансю но кёсан ундо = СССР и коммунистическое движение в Китае и Маньчжурии. Токио, 1934. 602 с.
18. Тёсэн тодзи сирё = Материалы по истории управления Кореей: В 10 т. Токио, 1970—1971.
19. Тобацу дзёхо = Информация о карательных операциях. Б.м., 1938. 248 с.
20. Ямада Гоити. Мансю ни окэру ханман конити ундо то ногё имин = Антияпонское движение в Маньчжурии и сельскохозяйственные переселенцы. Рэкиси хёрон. 1962. № 6, 7, 9, 10.
21. О Сэчхан. Чэман ханин ы сахвечок силътхэ 1910—1930 = Социальное положение корейцев в Маньчжурии 1910—1930 гг. Пэксан хакпо. 1970. № 9. С. 212—245.
22. Baik Bong. Kim Il sung Biography (1). Tokyo, 1969. 476 с.
23. Chong-sik Lee. Korean worker's party: a short history. Stanford (Cal.), 1978. 389 p.
24. Chong-sik Lee. Revolutionary struggle in Manchuria. Berkley-Los Angeles. London, 1980. 428 p.
25. Scalapino R.A., Chong-sik Lee. Communism in Korea. Berkley-Los Angeles, 1972. part 1. 390 p.
26. Manchuria. Treaties and agreements. Washington, 1921. 279 p.
27. Suh-Dae-Sook. The Korean communist movement 1918—1948. Princeton (N.J.), 1967. 407 p.
28. The Comintern's activiti in Manchuria. A general survey. Hsinking, 1940. 123 p.